

Визуализация и ее роль в современном политическом дискурсе (на примере российского и австрийского политического дискурса)

Политический дискурс – это общение в политической сфере, при котором у граждан формируются представления о «политически правильных, верных» решениях. В качестве средств передачи информации в социальном общении выступают вербальные и невербальные (визуальные) знаки.

Современный политический дискурс тяготеет к визуализации, что напрямую связано с глобальным поворотом современной массовой коммуникации от речевого кода к изобразительному. Особую роль начинает играть визуальная репрезентация как воспроизведение виденного, слышанного, прочувствованного человеком с помощью визуальных образов. Изображение становится главным способом передачи и получения информации.

Главным методом исследования визуализации политического дискурса выбран дискурс-анализ, так как автора исследования прежде всего интересуют механизмы смыслопорождения в процессе визуальной коммуникации, а также роль в этом процессе каждого из участников (адресанта и адресата).

Анализ роли визуализации в российском и австрийском политическом дискурсе показывает, что пространство визуального в российском политическом дискурсе – это сфера идеологии, где смотрящему отводится роль пассивного наблюдателя. В австрийском политическом дискурсе визуальная составляющая подчеркивает демократические традиции австрийской политической коммуникации и представляет собой сферу идей, где каждый гражданин – активный участник.

Ключевые слова: политический дискурс; дискурс-анализ; визуализация; визуальная репрезентация; визуальная коммуникация; концепт.

В широком смысле политический дискурс можно определить как общение в политической сфере. Его основной целью и одновременно содержанием является борьба за власть. Его предназначение – формирование у граждан представлений о «политически правильных, верных» решениях или оценках. В связи с этим возможен анализ дискурса «с точки зрения... сценариев, установок, социальных репрезентаций, организующих социальное общение и понимание» [5, с. 59].

В качестве средств передачи информации в социальном общении могут выступать разного рода вербальные и невербальные знаки. В связи с этим политический дискурс может рассматриваться как семиотическое пространство, в котором реализуются всевозможные концепты.

Поскольку наиболее важным при анализе представляется понимание процесса смыслопорождения и интерпретации концептов, наиболее подходящим методом исследования выступает дискурс-анализ. Именно с помощью дискурс-анализа можно определить, как в коммуникации воспроизводятся социальные структуры и как в дискурсе создаются, приписываются и воспроизводятся значения [3, с. 23].

Отличительной особенностью современного политического дискурса является его очевидное тяготение к визуализации, что связано с глобальным поворотом современной массовой коммуникации от вербального кода к изобразительному. Немаловажную роль в этом повороте играют массмедиа, которые погружают современного потребителя информационного продукта в пространство визуальных образов. Особую роль начинает играть визуальная репрезентация – воспроизведе-

---

* Архипова Юлия Владимировна, канд. филол. наук, доцент кафедры «Реклама и связи с общественностью» факультета социальной психологии, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

ние виденного, слышанного, прочувствованного человеком с помощью визуальных образов. В процессе репрезентации важную роль играют внутренние структуры, формирующиеся в течение жизни человека, в которых представлена сложившаяся у него картина мира, социума и самого себя. Эти структуры оказывают непосредственное влияние на возможность воспроизведения имеющейся информации или интерпретации получаемой визуальной информации.

Культурная идентичность и множественность сценариев жизни современного человека формируются и конструируются в окружающем его визуальном поле. Транслируемые с многочисленных экранов визуальные образы окружают нас повсюду – дома, в городском пространстве, в офисе, на учебе. Они создают особую, насыщенную символическую среду обитания современного человека – медиареальность [4, с. 5].

Изображение сегодня становится главным способом передачи и получения информации (отсюда стремление большинства политиков иметь свой личный аккаунт в социальных сетях, где через фото – деловые и личного характера – можно управлять вниманием электората) и рождает новые формы понимания действительности.

Характер политического дискурса требует от политика как субъекта политической реальности тщательного планирования коммуникации, продумывания ее формальной и содержательной сторон. Его речь должна быть наполнена образами и символами, созвучными массовому сознанию; его образ должен быть построен в соответствии с правилами категоризации, чтобы электорат воспринимал политика как «своего».

Наличие большого числа участников в политическом дискурсе, а также его тяготение к метафоризации и символизации политической реальности оставляют широкое пространство для внушения и манипуляции. Порой выступление популярного политика лишено всякой аргументации, оно рассчитано на эмоциональное восприятие и/или апеллирует к глубинным структурам сознания; при этом формально может выглядеть как убеждение.

Несмотря на тяготение политической коммуникации к однонаправленности и дистанцированности от объекта воздействия (различных групп электората), она претерпевает значительные изменения, связанные с развитием гражданского общества и демократических институтов, возрастанием значимости политических воззрений каждого отдельного гражданина и его персонального выбора. В связи с этим встает вопрос не о субъектно-объектной, а о субъектно-субъектной модели политической коммуникации, в которой различные группы общественности выступают не пассивным объектом воздействия, а активным субъектом, не просто самостоятельно конструирующим политические смыслы в процессе потребления информации, но и являющимся активным участником политического диалога.

Разрешение вопроса о том, какая модель коммуникации лежит в основе политического дискурса – субъектно-субъектная или субъектно-объектная, наиболее приемлемо в пространстве национальных политических традиций и национальной политической риторики. В связи с этим интересно сравнить российский и австрийский политические дискурсы в их современном состоянии.

Современный российский политический дискурс является, с одной стороны, прямым наследником советской политической и риторической традиции, с другой – испытывает значительное влияние Запада. В качестве наследства от советской эпохи ему достался «ритуальный характер» политической коммуникации, «когда не столь важным было содержание адресуемых властью... интенций, сколько сам факт их произнесения в положенных ситуациях» [4]. Предпочтение субъектно-объектной модели политической коммуникации по-прежнему проявляется в неумении власти слушать, выборе в пользу силовых способов разрешения конфлик-

тов, нетерпимости к чужому мнению. Вместе с тем западное влияние очевидно в постоянном стремлении к обновлению тем и сюжетов, смене способов обращения к целевой аудитории, попытках организации интерактивного общения с ней.

В силу традиции и специфики российской политической культуры отечественный дискурс в политической сфере остро идеологичен и концептуален, что выражается, прежде всего, в обилии оценочных суждений даже в информационных материалах российских медиа. Он по-прежнему носит маскулинный характер, так как мужчины-политики в России всё еще более популярны, чем женщины. Именно с ними связываются массовые представления о силе и защищенности. Наиболее популярные российские политики настойчивы, напористы, порой агрессивны. Их популярность – во многом следствие глубинных, иррациональных факторов и составляющих массового сознания. Отсюда значительная доля иррациональности и в самой политической риторике (не столь важно, что сказал; важно, как сказал и какое впечатление произвел).

Что касается визуального аспекта российского политического дискурса, то здесь тоже все достаточно традиционно. Изображение российского политика или представителя власти в большинстве отечественных изданий – это фигура авторитетная (порой авторитарная), могущественная, обладающая значительным политическим и общественным влиянием, принимающая важные решения. Порой эти изображения могут быть выдержаны в ироническом ключе, но эта ирония относится, скорее, не к самому предмету изображения, а отражает российскую специфику отношения к власти: «она трактуется как привилегия, как условие богатства, больших возможностей и влияния» [1]. Ироническое изображение развенчивает представление о нем как о «народном избраннике» и подчеркивает его чисто прагматические намерения.

Такая ирония чаще всего характерна для неофициального или оппозиционного дискурса (изображения в социальных сетях или агитационных предвыборных листовках «малых» российских партий). В последнем случае она может приобретать характер острой сатиры. Тенденциозность российского политического дискурса находит отражение и в различных формах визуальной репрезентации. Причем чем выше статус политической фигуры, тем более пафосными и идеологизированными будут изображения.

В связи с этим особого внимания заслуживает визуальная репрезентация образа президента в современном российском политическом дискурсе. В начале 2000-х, когда Россия осуществляла политику интеграции в европейское (западное) экономическое и политическое пространство, на страницах российских и западных печатных и электронных изданий стали все чаще появляться «неформальные» изображения В. В. Путина – на прогулке с собакой, на лыжной трассе, в спортзале, в баре за бокалом пива и просмотром с коллегой Д. А. Медведевым футбольного матча, на рыбной ловле и т. д. Такие изображения представляли первого человека в РФ по-европейски простым, открытым, понятным и по-российски близким, «своим». Затем, по мере ухудшения отношений с Западом, с введением антироссийских санкций характер изображений стал меняться: президента все чаще стали изображать в официальной обстановке, на фоне официальной российской символики. По ходу общей милитаризации российского политического дискурса наиболее востребованными оказались фото президента в военной форме. Даже была выпущена серия стикеров с изображением В. В. Путина в форме разных родов войск.

Вместе с тем официальный образ президента смягчается его изображениями при занятиях различными видами спорта (борьба, горные лыжи...), хобби (сбор грибов вместе с С. Шойгу), при участии в значимых христианско-религиозных праздниках и ритуалах (богослужения в храме, погружение в крещенскую ку-

пель...), совместные фотографии со студентами, учеными, актерами, многодетными семьями и др.

Подобные визуальные образы не позволяют перечеркнуть образ «народного президента», открытого и человеческого.

При этом «мягкий вариант» фигуры премьера (как назвал его журнал «Русский Newsweek» в одном из последних своих номеров) – Д. А. Медведев с его селфи-галереей, I-фото и прочими «модерновыми фишками» никак не догоняет по популярности брутального и харизматичного Путина, что также скорее указывает на значительную долю иррациональности российской политической коммуникации.

Австрийский политический дискурс, наоборот, движется по пути от иррациональности к рационализации, что выражается в высоком уровне политической и гражданской рефлексии. Большое количество активных субъектов этого дискурса (в Австрии более 400 официально зарегистрированных партий) [7] и сильная демократическая традиция обуславливают такие характеристики австрийской политической коммуникации, как полифонизм и интертекстуальность [6]. При этом австрийский политический дискурс до мая 2019 г. также носил очевидно маскулинный характер (30 мая 2019 г. бундесканцлером была назначена Бригитте Бирляйн).

Эти характеристики находят соответствующую визуальную репрезентацию в фотоматериалах австрийских и в целом европейских массмедиа. Характер изображения первых лиц австрийского государства на протяжении последних десятилетий существенно не меняется. Скорее всего, мы имеем дело с традицией изображать первых лиц в особой демократической манере: живая мимика, много свободных, почти произвольных жестов; почти полное отсутствие постановочных фото (в отличие, к примеру, от американской или российской традиции).

Примечательно, что фотожурналисты не стремятся приукрасить или «омолодить» своего пожилого президента (Александру Ванн дер Беллену 75 лет): совершенно седые волосы, глубокие морщины, не очень здоровые зубы. При этом открытый пронизательный взгляд, устремленный прямо в камеру. Президент не боится фронтальных изображений, часто улыбается, иногда хмурится. Все изображения живые, подчеркивающие естественность и непринужденность объекта. Такие фото должны подчеркнуть, прежде всего, отсутствие дистанции между первым лицом государства и обычным гражданином, узнающим в президенте своего знакомого, соседа или даже самого себя.

Вообще, зрелость – это тоже часть австрийской политической традиции, поэтому у австрийских политиков не принято скрывать свой возраст. Наличие признаков возрастных изменений (седина, морщины и т. д.) свидетельствует о том, что человек, пришедший в политику, уже состоялся и достиг каких-то успехов в других сферах. На него смотрят как на уважаемого, опытного, здравомыслящего, мудрого. Эти качества присваиваются ему на основе устойчивых представлений электората о том, что собой представляет австрийская политика.

Себастьян Курц, занявший в декабре 2017 года должность бундесканцлера, казалось, призван был поколебать эти представления. Заняв пост главы кабинета министров в 31 год, он оказался самым молодым бундесканцлером за всю историю Австрии. Молодой, обаятельный и очень фотогеничный, он стал звездой австрийской и европейской прессы. За непродолжительный срок его пребывания в должности журналисты успели сделать огромное количество снимков молодого премьера. Все их объединяет нетрадиционная для австрийского визуального дискурса «красивость» и «глянцевость». Как будто премьером стал не бывший министр иностранных дел, а звезда телешоу. Неудивительно, что это раздражало значительную часть австрийской общественности, привыкшей к естественной зрелости. Они видели в жестах Курца позерство, обвиняли его в стремлении к

эффективности. В мае 2019 года парламент Австрии выразил недоверие правительству Курца, и оно в полном составе было отправлено в отставку.

При всей разности российской и австрийской политической традиции, в равной мере можно говорить об эффективности российской и австрийской политической коммуникации (в той степени, в какой она справляется с решением текущих политических задач).

Возвращаясь к анализу российских и австрийских политических дискурсов, можно отметить следующее. С точки зрения политической реальности, в российской политической коммуникации преобладает субъектно-объектная модель, где объектом воздействия выступают не структурированные группы электората, а огромная масса граждан. С языковой точки зрения можно говорить о субъектно-субъектной модели, когда каждый отдельный индивид генерирует свой индивидуальный набор смыслов и интерпретаций, подсказанных политическим контекстом. Австрийский же дискурс в обоих случаях опирается на субъектно-субъектную модель, в которой на первый план выдвигается индивидуальный осмысленный выбор.

Если рассматривать идеологическое пространство визуального в российском и австрийском политическом дискурсе, то можно отметить следующее. Российский политический дискурс в совокупности всех его визуальных репрезентаций – это сфера идеологии. Идеология предполагает всестороннее и полное видение мира: она развивает набор концепций относительно того, как должен быть устроен мир. Идеология сочетает в себе понятия и эмоции; при этом она старается дать ответы на все вопросы. Смотрящему она отводит роль пассивного наблюдателя. От него требуется принимать на веру все, что он видит.

Визуальные репрезентации концептов, преобладающих в австрийском политическом дискурсе, позволяют говорить о том, что там мы имеем дело с миром идей. В отличие от идеологии, это открытое пространство, в котором разного рода идеи зарождаются, апробируются, модифицируются, принимаются или отвергаются, а потом забываются. Все участники коммуникации в этом случае равны и в равной мере участвуют в смыслопорождении.

Таким образом, роль визуальной репрезентации в российском политическом дискурсе заключается, прежде всего, в создании и поддержании официальной идеологии, а в австрийском – в создании дополнительного канала для публичной коммуникации.

Литература

1. Аджимаз О., Кожемякин Е. Культурные модели визуальной репрезентации власти в дискурсе фотожурналистики // Современный дискурс-анализ. – 2011. – Вып. 4. – URL: <http://discourseanalysis.org/ada4/st34.shtml> (дата обращения: 05.05.19).
2. Вдовина Т. В. Визуальные исследования: основные методологические подходы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. – 2012. – № 1. – С. 16–26.
3. Дроздова А. В. Визуальные образы повседневности в современной медиакультуре : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. – 278 с.
4. Негров Е. О. Официальный политический дискурс в современной России: стратегия развития // Политическая экспертиза (ПОЛИТЭК). – 2009. – Т. 5, № 4. – С. 105–114. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13104021> (дата обращения: 31.10.19).
5. Неретина С., Огурцов А. Концепты политического сознания // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2009. – № 1. – С. 17–78.
6. Спиридовский О. В. Интертекстуальность президентского дискурса в США, Германии и Австрии // Политическая лингвистика. – 2006. – Вып. 20. – С. 161–169.
7. Шаханин В. А. Политические партии в современной Австрии // Актуальные проблемы права : материалы III Международной научной конференции (г. Москва, ноябрь 2014 г.). – М., 2014. – С. 155–159.

Yulia Vladimirovna Arkhipova,
Cand. Phil. Sci., associate professor at Advertisement
and Public Relations Department,
Liberal Arts University (Yekaterinburg)

**Visualization and its role in the modern political discourse
(by the example of the Russian and Austrian political discourse)**

Political discourse is communication in the political sphere in which citizens obtain ideas about “politically correct, right” decisions. Verbal and non-verbal (visual) signs are becoming a means of transmitting information in social communication. Modern political discourse aims for visualization which directly relates to the global turn of modern mass communication from the speech code to the image. Here, a special role plays a visual representation as a reproduction of what a person has seen, heard, and felt with the help of visual images. Image is becoming the main way to disseminate and receive information.

The main method for studying the visualization of political discourse is the discourse analysis since the author of the study is primarily interested in the mechanisms of meaning generation in the process of visual communication, as well as the role of each of the actors in this process.

An analysis of the role of visualization in Russian and Austrian political discourse shows that the visual space in Russian political discourse is an ideological sphere where the viewer acquires the role of a passive observer. In the Austrian political discourse, the visual component emphasizes the democratic traditions of Austrian political communication and represents a sphere of ideas where every citizen is an active participant.

Keywords: political discourse; discourse analysis; visualization; visual representation; visual communication; concept.